

ГЛАВА 1

ГОД, СОТВОРЕННЫЙ
ДЬЯВОЛОМ

Портленд, Орегон, 16 октября 1918 года

Войдя в вагон поезда, я почувствовала на себе пристальные взгляды трех дюжин пар глаз. Носы и рты пассажиров были скрыты марлевыми повязками. Сквозь запах ткани моей повязки я почувствовала запах вареного лука и чего-то липкого и кислого, возможно страха.

«Не останавливайся», — сказала я себе.

Несмотря на дрожь в ногах, обутых в скаутские ботинки на тот случай, если мне придется быстро бежать, я заставила себя пройти вперед. Моя тяжелая поступь привлекла нежелательное внимание. Как минимум один человек вскинул брови, но никто не произнес ни слова.

— Доброе утро, — обратилась я к женщине, голову которой обрамляло облачко черных кудряшек, придававших ей сходство с пуделем.

— Доброе, — пробормотала женщина в маску.

Как я и ожидала, все вскоре утратили ко мне интерес и снова занялись своими делами. Я была всего лишь здоровой с виду шестнадцатилетней девушкой в темно-синем платье, не походила на иностранного шпиона и явно не болела гриппом. Следовательно, не представляла угрозы.

Темно-серые дорожные костюмы в сочетании с белыми хлопковыми масками придавали людям в вагоне сюрреалистический вид, который немного нарушал резкий запах лука, доносившийся из вагона-ресторана. Я представила себе поваров, торопливо измельчающих ароматные луковицы в отчаянной попытке не позволить гриппу захватить поезд. Их

глаза слезятся, со лба капает пот. Я моргнула, смахивая появившиеся на глазах от жгучего аромата слезы, и заняла единственное свободное место рядом с женщиной средних лет, плотного сложения, с полными руками и кустистыми бровями. На шее у нее висел противогриппозный мешочек, от которого так несло медикаментами, что эта вонь забивала даже запах лука.

— Привет. — Она потеряла мешочек и оглядела меня с ног до головы. — Я миссис Питерс.

— Я... — Поставив кожаную сумку себе на колени, я представилась ей коротко: — Мэри.

Шуршащие вокруг газеты, скорее всего, содержали статью о моем отце, и я представила, что в ней говорилось обо мне: «Вчера вечером во время ареста в доме также находилась дочь мистера Блэка, Мэри Шелли. Похоже, девочке дали имя в честь автора некоего романа ужасов с необычным немецким названием: Франкенштейн».

— Это докторская сумка? — спросила миссис Питерс.

— Да. — Я крепче прижала к себе саквояж. — Это сумка моей мамы.

— Твоя мама была врачом?

— Самым лучшим в округе.

— Жаль, что она не с нами в этом поезде. — Миссис Питерс обвела взглядом пассажиров. — Не знаю, что будет, если кто-нибудь сляжет в пути. Спасать нас будет некому.

— Если мы заболеем, нас, скорее всего, просто выбросят из поезда на следующей станции.

Наморщив лоб, она возмутилась:

— Как можно говорить такие в высшей степени неприятные вещи!

Я повернулась, слегка отодвинувшись от нее.

— Если вы не против, я бы не хотела говорить о гриппе.

Миссис Питерс раздраженно сказала:

— Как ты можешь о нем не говорить? Мы ведь даже разговариваем сквозь марлевые повязки. Нас набили сюда, как беспомощных...

— Прошу вас, мэм, перестаньте говорить об этом. У меня и других проблем хватает.

Она немного отодвинулась от меня:

— Надеюсь, ты не распространяешь микробы.

— Надеюсь, вы тоже.

Я откинулась на деревянную спинку и попыталась расслабиться, не обращая внимания на происходящее и тошноту, преследующую меня с момента ареста отца. У меня в голове, подобно гротескным кадрам на экране кинотеатра, всплывали воспоминания о том, как чиновники били отца в живот, называя его предателем.

Раздалось шипение: пар окутал вагон. Пол у меня под ногами завибрировал. Руки и колени задрожали, а зубы застучали, как будто с лихорадочной поспешностью подавая сигнал бедствия: цок-цок-цок-ЦОК-ЦОК-ЦОК-цок-цок-цок.

Чтобы отвлечься, я расстегнула металлическую защелку саквояжа и вытащила пачку писем, связанную синей лентой для волос со слегка растрепавшимися концами. Вынув верхний хрустящий, кремового цвета конверт, я достала из него письмо и погрузилась в чтение.

29 июня, 1918 года

Моя дорогая Мэри Шелли!

Я прибыл сюда четыре дня назад. Наши письма подвергаются цензуре, поэтому письмо будет скучным. Они вымарывают все, что может указывать на мое местонахождение, и я буду похож на детектива из романа о Шерлоке Холмсе. К примеру: я нахожусь в [REDACTED], а вскоре собираюсь в [REDACTED]. Сплошные загадки, верно?

Я получил твое письмо. Слова, написанные твоей рукой, заставили мое сердце биться чаще, но я очень огорчен, что ты так и не получила моей посылки. Она должна была прийти почти два месяца назад. Скорее всего, в этом виноват мой брат. Но я напишу маме. Возможно, она знает, отправлена ли посылка, и если да, то когда.

Я также получил твою фотографию. Спасибо огромное, Шелл. Это фото так много для меня значит. Я смотрю на твое лицо, и мне не верится, что малышка Мэри Шелли Блэк, забавная подружка моего детства и преданный друг по переписке, стала такой красавицей. Я отдал бы все, что угодно, лишь бы снова настал апрель, когда ты приехала, и быть с тобой. Стоит мне закрыть глаза, как я снова ощущаю вкус твоих губ и чувствую, как скользят по моей коже твои длинные каштановые волосы. Мне так хочется снова прижать тебя к себе.

Иногда я помимо воли начинаю думать о том, как бы все сложилось, если бы я не уехал, когда мне было четырнадцать. Что, если бы мой дедушка не умер и мои родители не поспешили переехать вместе с нами в его дом на острове? Были бы мы с тобой так же близки? Сблизились бы мы еще больше... или, наоборот, отдалились друг от друга? В любом случае я чувствую, что меня многого лишили, отняв возможность общаться с тобой.

Не беспокойся обо мне, Шелл. Я приехал сюда по собственному желанию, а значит, что бы со мной ни произошло, я сам буду в этом виноват. В письме ты написала, что сожалеешь о том, что не смогла помешать мне отправиться на войну, когда мы были вместе в апреле. Я твердо решил, что должен это сделать, и тебе лучше, чем кому-либо еще, известно, что иногда я могу быть таким же упрямым, как ты.

Пиши, буду ждать. Если сможешь, пришли мне парочку книг.

*Скучаю по тебе.
Любящий тебя Стивен*

На сиденье передо мной кто-то чихнул.

Я вздрогнула от неожиданности, широко раскрыла глаза, и письмо Стивена упало мне на колени. Все резко повернули головы в сторону худенькой рыжеволосой женщины,

которая чихнула еще раз. Мои губы приоткрылись, чтобы произнести запрещенное слово — *gesundheit*¹, — но я промолчала.

— У моей жены аллергия! — поспешил объяснить спутник женщины, мужчина с вьющимися светлыми волосами, напоминающими картофельное пюре. Он придвинулся к жене и поправил ей маску. — Это не грипп. Не смотрите на нее так.

Однако люди продолжали настороженно смотреть на женщину.

В этот момент поезд тронулся, всех потревожив. Его пронзительный свист рассеялся в октябрьской дымке. Я спрятала письмо Стивена в сумку и уставилась на проплывающие мимо кирпичные здания, а между ними — красные и янтарно-желтые пятна деревьев, напоминающие о том, по чему я больше всего буду скучать, покинув Портленд. Осень с ее ароматами горящих листьев, специй для глинтвейна и ярко-оранжевыми тыквами в магазинчике моего отца всегда была моим любимым временем года.

Вскоре в окна забарабанил дождь.

Мир снаружи стал серым.

Сидящая рядом со мной миссис Питерс, сдвинув брови, сверлила взглядом чихнувшую даму.

— Из-за этой женщины к тому времени, как выйдем из поезда, мы все будем мертвы.

Я чуть не сказала, что если мы будем мертвы, то из поезда точно не выйдем. Но снова стиснула зубы и промолчала, что всегда давалось мне с большим трудом.

Все вокруг сидели неподвижно, источая запахи лечебных народных средств. Вонь от медицинского мешочка моей соседки и чьей-то жвачки с ароматом чеснока пробивалась даже через четырехслойный барьер моей маски. Стук колес поезда заменял дорожные разговоры.

¹ Будьте здоровы (нем.). (Здесь и далее примеч. перев.)

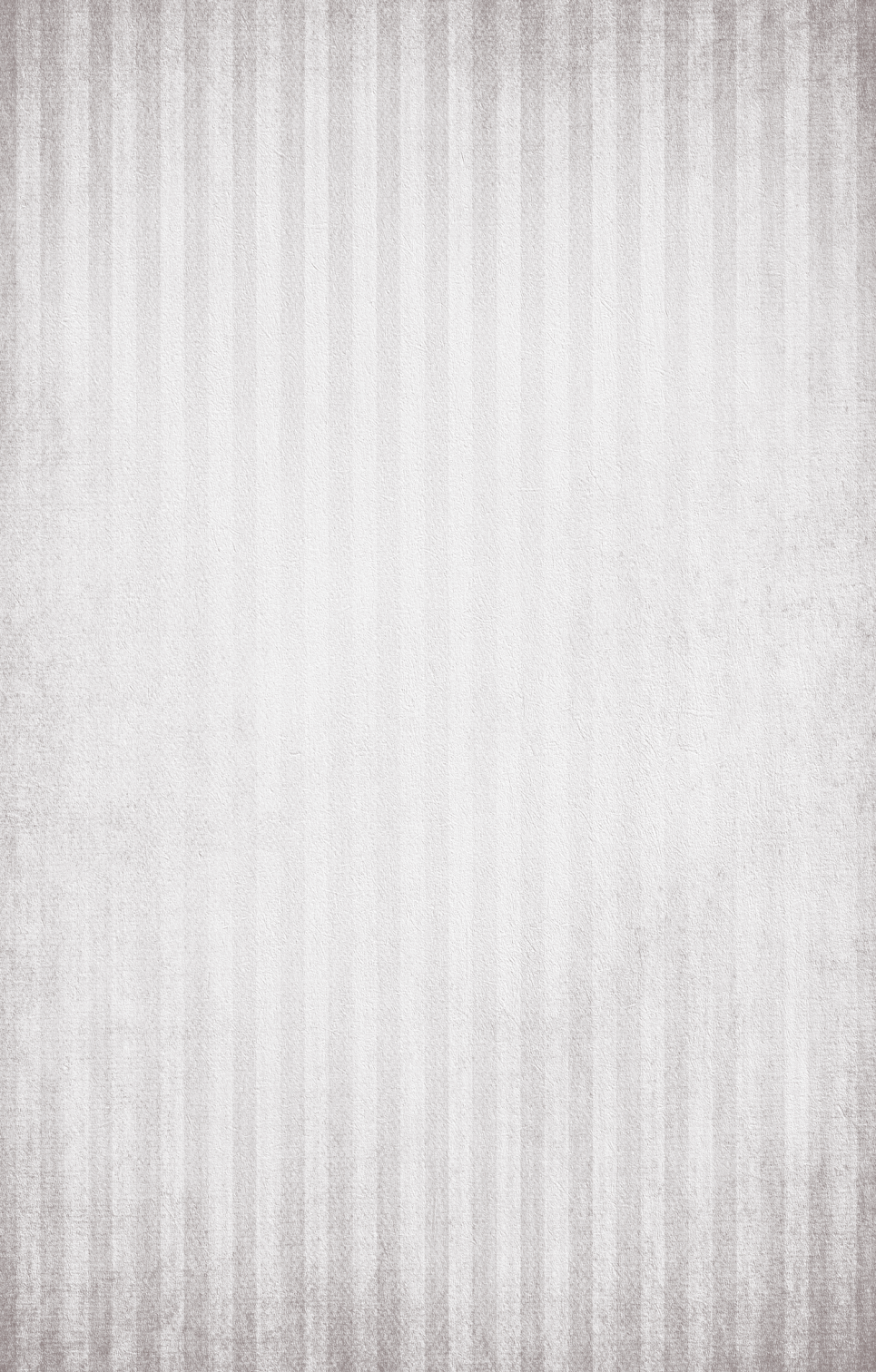
Мне казалось, что я сплю. Что стоит мне открыть глаза, и этот жуткий-жуткий кошмар окончится. Я впилась ногтями в ладони в надежде проснуться, но ощутила боль, а на ладонях остались полукруглые вмятины. Я не спала.

В таком случае я, должно быть, перенеслась в будущее и очутилась в мире, подобном описываемому Гербертом Уэллсом, — в этом ужасающем фантастическом мире лица людей наполовину были скрыты масками, виднелись только глаза, миллионы здоровых молодых людей и детей умирали от гриппа, юношей увозили из страны на верную смерть, а власти арестовывали граждан за неправильные слова. Такое место не могло существовать в реальности. И это не могли быть Соединенные Штаты Америки — «земля свободных и дом смелых людей».

Однако это было именно так.

Я ехала в поезде по родной стране, и это происходило в год, сотворенный дьяволом.

1918-й.

ГЛАВА 2

ТЕТЯ ЭВА И ДУХИ

Сан-Диего, Калифорния. 18 октября 1918 года

Тетя Эва не встретила меня на железнодорожной платформе, когда я приехала, что могло означать одно из трех: она опаздывала, она не получила моей телеграммы или заболела гриппом. Третий вариант приводил меня в тоску и ужас, поэтому я постаралась выбросить его из головы.

Я ссутулилась на жесткой неудобной скамье вокзала Санта-Фе, разглядывая белые гипсовые арки под потолком, подобные лишенным цвета радугам. Надо мной свисали гигантские электрические колеса-лампы. Они были такими тяжелыми, что крепились к аркам огромным количеством железных цепей. Морской бриз наполнял вокзал ароматами соли и рыбы, от которых мой пустой живот начал урчать. После путешествия в более чем тысячу миль у меня болела спина, а мозг отчаянно нуждался во сне. Но мне оставалось только сидеть и ждать.

Плакаты, которыми были увешаны сине-золотые мозаичные стены, сменились со времени моего последнего приезда сюда шесть месяцев назад. Тогда, в апреле, надписи яркого красного, белого и синего цвета провозглашали устрашающие лозунги, призванные сплотить нас в борьбе с немцами:

БЕЙ ГАНСОВ ОБЛИГАЦИЯМИ СВОБОДЫ!¹
ДАЙТЕ ЖАРУ! НЕ ЖАЛЕЙТЕ СИЛ!
ТЫ 100 % АМЕРИКАНЕЦ? ДОКАЖИ ЭТО!
НЕ ЧИТАЙ ИСТОРИЮ АМЕРИКИ — ТВОРИ ЕЕ!

¹ Облигации, которые выпускались в США в годы Первой мировой войны.

Я помню, как тетя Эва ворчала что-то о «сомнительном вкусе», ведя меня мимо плаката с изображением символизирующей Германию гориллы с разинутой пастью, которая сжимала в лапах златовласую полуобнаженную деву. «УНИЧТОЖЬ ЭТОГО БЕЗУМНОГО ЗВЕРЯ! ВСТУПИ В АРМИЮ США!» — было написано на нем.

Не считая одного плаката, призывающего идти во флот, все агитационные лозунги теперь исчезли, сменившись белоснежными листовками, предостерегающими не кашлять, не чихать и не плевать в общественных местах. Со всех сторон меня окружали слова ГРИПП и ЭПИДЕМИЯ, написанные жирными черными буквами, как будто мы могли забыть о том, что живем во время чумы.

Я ждала тетю Эву уже полчаса. Прибыл еще один поезд, полный новобранцев в армию США, которые направлялись на военную базу Кэмп-Кирни на севере Сан-Диего. Офицеры в оливкового цвета кителях и штанах галифе забегали, выкрикивая приказы, и спустя некоторое время промаршировали по вокзалу в сопровождении колонны молчаливых молодых людей, облаченных в лучшие воскресные костюмы и противогриппозные маски. Парни были совсем юными — большинству, наверное, не исполнилось и девятнадцати, поскольку призывной возраст, который раньше составлял двадцать один год, недавно снизили. Некоторые из них заметили меня, и их глаза вспыхнули, несмотря на то что я, обмякнув на скамье в своей уродливой маске, больше всего напоминала мешок картошки.

— Привет, куколка! — окликнул меня коренастый светловолосый юноша.

— Эй, красотка! — проворковал тощий юнец в черных, слишком длинных для его ног штанах. — Как насчет поцелуя для солдата?

Некоторые молодые люди засвистели, и офицерам пришлось окрикнуть их, напомнив, что они уважаемые солдаты армии США.

Внимание мальчишек мне ничуть не польстило. В равной степени я не почувствовала себя задетой. Скорее они напомнили мне, как выглядел Стивен в последний раз, когда я его видела, — в его карих глазах странным образом светились одновременно отвага и страх.

Глядя в окно, я смотрела, как парней ведут к веренице зеленых военных грузовиков, с включенными двигателями ожидавших на дороге. Призывники взбирались под плотный брезент с точностью пуль, заряжаемых в магазин пистолета. Грузовикам предстояло доставить их в тренировочный лагерь, вне всякого сомнения переполненный лихорадящими жертвами гриппа. Парнишки, которые не заболеют, научатся убивать других молодых парней, которые, вероятно, в этот самый момент прибывали на немецкий вокзал в своей лучшей воскресной одежде.

«Перестань так думать, — одернула я себя. — За это они забрали папу. Ты не можешь позволить себе думать, как он».

Я поджала ноги и прислонилась головой к черному маминому саквоюжу. Вокзал вокруг меня опустел и погрузился в тишину, прерываемую только воем сирен карет скорой помощи, проезжающих по городским улицам.

Я задремала.

Погрузилась в смутный сон о папе, который готовил суп с ароматом, царящим на консервных заводах Сан-Диего. И вдруг услышала голос тети Эвы, окликнувшей меня по имени. Открыв глаза, я увидела, что ко мне идет невысокий моложавый мужчина в серой рабочей одежде, ступая по кафельному полу испачканными в мазут ботинками. Никакой тети Эвы. Должно быть, ее голос мне приснился.

Я снова закрыла глаза, и тут кто-то снова произнес:

— Мэри Шелли.

Я оперлась на локоть, пытаясь проснуться. Невысокий мужчина подошел ко мне. Его шаги гулким эхом разносились по пустому вокзалу. Над медицинской маской на его лице

блестели знакомые мне круглые очки. Из-под фуражки выглядывали короткие светлые волосы.

Я вскочила:

— Тетя Эва?

— Прости, я так опоздала. Меня не отпустили пораньше, как я рассчитывала. — Она остановилась в нескольких метрах от меня и вытерла грязные руки о штаны. — Я не буду тебя обнимать, потому что вся в грязи. К тому же ты ехала в поезде с кучей других людей. Как только доберемся домой, посадим тебя в горячую ванну, чтобы смыть все микробы.

— Почему ты так одета?

— Что? Разве я тебе не говорила, что после смерти Уилфреда я начала работать на верфи?

— Нет. В своих письмах ты не обмолвилась об этом ни словом. Господи помилуй! — Я не выдержала и расхохоталась. — Утонченная тетя Эва строит боевые корабли.

— Не смейся, это хорошая работа. Помогает забыть обо всех бедах. Все мужчины ушли на войну, и нам, женщинам, пришлось занять их места. — Она подхватила мой окованный железом чемодан с такой легкостью, что стало ясно: эти тонкие ручки снабжены мощными бицепсами. — Надеюсь, ты в силах дойти до моего дома. Я избегаю зараженного воздуха в общественном транспорте.

— А на фабрике воздух не зараженный?

— В основном я работаю на улице. А теперь пошли, хватит тут торчать. Бери свою сумку, идем домой.

Я схватила свою черную сумку с сокровищами.

— Мне нравится твоя прическа.

Она проворчала сквозь маску:

— О волосах ни слова. Я подстриглась только потому, что другие девушки сказали, что так лучше для работы. С тех пор как я отрезала волосы, меня не удостоил взглядом ни один мужчина.

Она пошла вперед, и легкость, с которой она несла мой чемодан, говорила об обретенной ею силе.

Я не решилась указать ей на то, что недостаток мужского внимания, вероятнее всего, связан с грязными ботинками и пропотевшей одеждой, а короткие волосы тут ни при чем. Я плелась за ней в своих ботинках, понимая, как странно мы выглядим: две молодые женщины с разницей в возрасте всего в десять лет, чью женственность уничтожила война.

Новобранцы уехали, и на улице перед вокзалом не было ни души, не считая седоволосого мужчины в костюме в тонкую полоску, грузившего свой багаж в салон черного такси. Водитель курил сигарету сквозь дырку в марлевой маске, и запах дыма смешивался с соленым морским воздухом и доносящимися откуда-то ароматами рыбоконсервной фабрики. Над головой безупречной невинной синевой сияло небо.

Тетя Эва повела меня на север.

— Город закрыли, чтобы попытаться воспрепятствовать распространению гриппа. Солдат посадили на карантин раньше, чем всех нас, но сейчас церкви, театры и кинотеатры, бани и танцзалы — все закрыто.

— А школы? — с надеждой спросила я.

— Закрыты.

Мои плечи разочарованно опустились.

— Папа сказал мне, что в Сан-Диего грипп будет слабее благодаря теплой погоде. Это было одной из причин, по которой он хотел, чтобы я сюда приехала, если с ним что-то случится.

— К сожалению, здесь, на юге, он тоже приобрел катастрофические масштабы. — Тетя покосилась на меня. — Наверное, тебе будет скучно, но лучше поскучать, чем умереть. Не забывай постоянно носить маску. Здесь насчет этого очень строго.

— Мне кажется, что хирургическая марля ни от чего не спасает. Единственный результат — это то, что она делает нас всех похожими на инопланетных чудовищ. Мой учитель естествознания, мистер Райт, носил маску и умер точно так же, как и те, кто этого не делал.

